

О.А. СИМОНОВА¹

¹ НИУ «Высшая школа экономики».
101000, Россия, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ ПОЗДНЕСОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА И ИХ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ¹

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть основные «императивы» современной эмоциональной культуры, чтобы задать особую исследовательскую оптику для более глубокого понимания позднесовременного общества. Автор, базируясь на корпусе работ по социологии эмоций, выделяет доминирующие эмоциональные нормы, которые имеют характер императивов в повседневном опыте людей и служат продолжением социальных ценностей. В числе таких эмоциональных императивов описываются рациональный контроль над эмоциями; постоянное, навязчивое стремление быть и выглядеть счастливым; избегать негативных переживаний; комплекс индивидуальной вины в случае неуспеха и другие. В представляемом списке есть императивы, которые противоречат друг другу, отражают разные аспекты жизни, но в целом подчиняются логике позднесовременного общества и могут иметь важные, хотя и неочевидные, социальные последствия — такие как разрывы социальных связей, «хронические» чувства подавленности, усталости, усиление тревоги и страхов и другие, например возникновение новых форм солидарности. В результате глобальных событий и обусловленных ими социальных кризисов данные императивы могут меняться, тем самым давая возможность отследить, как изменяется проживаемый опыт людей. Не претендуя на полный перечень эмоциональных императивов и их исчерпывающую характеристику, автор делает попытку теоретически осмыслить и описать современные культурные конфигурации жизненного опыта через ведущие эмоциональные нормы.

Ключевые слова: социология эмоций; позднесовременное общество; эмоциональная культура; эмоциональные императивы.

Для цитирования: Симонова О.А. Эмоциональные императивы позднесовременного общества и их социальные последствия // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 2. С.25–45. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8084

Поворот к исследованию эмоций в социологии и смежных дисциплинах [5] позволил социологам начать теоретическую разработку понятия «эмоциональная культура» как системы социальных ожиданий по поводу соответствующего культурным представлениям выражения

---

¹ Публикация подготовлена в ходе работы НУГ «Моральные эмоции в социальных науках», проект «Моральные эмоции в отношениях неравенства: регуляция и социальные последствия» (№ 21-04-007) в рамках программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)» в 2020–2021 гг.

и переживания эмоций в различных контекстах взаимодействия. Современное общество, которое часто называют позднесовременным или позднекапиталистическим (см., например: [10; 35]), в своих различных проявлениях характеризуется особой эмоциональной культурой [41], или особыми характеристиками, которые во многом определяют человеческую эмоциональность [6]. Многие специалисты используют термин «аффективный» или «эмоциональный капитализм», имея в виду, что эмоциональные переживания коммодифицируются, сами могут производить экономические эффекты, современный человек ценит их и стремится к ним, готов платить за них [23].

В продолжение разговора об эмоциональной культуре современности мы хотели бы описать «эмоциональные императивы» (об определении ниже), о которых исследователи обобщенно пишут довольно редко, в основном фокусируясь на отдельных чувствах. Основной задачей настоящей статьи выступает описание ведущих эмоциональных норм, или «эмоциональных императивов», которые составляют целостную, хотя и противоречивую конфигурацию, с целью более глубокого понимания современного общества. По данной теме существует довольно обширная литература, хотя специально эмоциональные императивы не выделялись. В данной статье среди большого количества работ по социологии эмоций мы постарались упомянуть некоторые труды, наглядно иллюстрирующие наши тезисы, включая материалы из Интернета и научно-популярные работы.

Необходимо особо отметить, что данные императивы возникают в русле общих социальных процессов, свойственных позднесовременным обществам: они связаны с коммерциализацией и рационализацией практически всех сторон жизни, с глобализацией, экономикой и культурой потребления, неолиберальными бюрократическими принципами управления, глубокой индивидуализацией и культом индивидуального Я [6; 14], с психологизацией и терапевтизацией, развитием культуры самопомощи [25; 28; 31; 36; 37; 38], а также с быстрыми темпами социальных изменений, высоким осознанием рисков, с острым восприятием неопределенности будущего [26] и многими другими чертами. О том или ином сочетании характеристик позднесовременного общества написано огромное количество литературы, в данном случае мы полагались на самые общие черты, не претендуя на полное описание ни этого типа общества, ни его эмоциональной культуры, которой посвящена отдельная работа автора (см.: [41]).

К определению эмоциональной культуры

Если рассматривать эмоциональную жизнь людей социологически, то мы увидим, что каждое общество в определенную историческую эпоху благоприятствует, воспитывает, поощряет различные специфические эмоции. Эмоции предстают здесь не просто как сигналы и мотивы действий, не просто как типические реакции, но как часть символической коммуникации, своего рода «культурные собы-

тия», которые разделяются и передают основные смыслы культуры. Эмоциональной культурой мы называем характерную для определенного типа общества конфигурацию представлений о чувствах и социальных норм относительно их переживания и выражения в различных социальных контекстах или ситуациях, которая проявляется в образцах поведения, опыте, практиках, речевых выражениях, особых эмоциональных режимах или порядках (см. подробнее об этом: [41]). «Анализ показывает, что язык чувств (и на коллективном, и на индивидуальном уровне) зависит от более крупных структур чувств», он формируется временем, а также «нормами и ценностями, гендерными представлениями и классовым окружением. Эти факторы определяют, какие чувства социально значимы, какие опасны, какие выражения чувств желательны, какие следует поощрять, а какие — отвергнуть, какие способы выражения или сокрытия чувств в обществе имеют высокий статус» [8, с. 266]. Одна из целей социологии эмоций в изучении эмоциональной культуры — связать проживаемый опыт людей в различных контекстах на микроуровне с более широкими социальными и культурными структурами на макроуровне, что позволяет говорить о специфической культуре общества современного типа.

Согласно одному из определений эмоциональная культура — это представления не только о природе, причинах, ценностях, динамике эмоций в целом, но и о конкретных чувствах, таких как любовь, гнев и ревность [43, с. 362]. В настоящее время существует много исследований, в которых современная эмоциональная культура описывается через конкретные эмоциональные состояния — например, страх, сочувствие, стыд и др. («культура страха», «культура непризнанного стыда», «культура сочувствия»), когда выделяется одно чувство, так или иначе влияющее на все остальные (см., например: [19; 24; 32; 34; 40]). Однако довольно трудно себе представить, что жизнь людей находится под влиянием одного чувства. Разные чувства важны для социальной жизни, хотя представления о них исторически изменчивы. В социологических исследованиях конкретных эмоций зафиксировано, как меняются представления о ревности, любви, стыде, зависти, чувстве вины и др. Идея автора — выделить эмоциональные императивы, или нормы-требования относительно чувств, основывалась на том, чтобы отметить не только изменения в выражении и переживании отдельных эмоций, но и отношение к чувствам в целом, особенно к тем, которые акцентированы, связаны с современными социальными идеалами [42].

Проблематичным в приведенном определении эмоциональной культуры является его «универсальность» и «абстрактность», то, что оно возникает в контексте западной социологии, психологии и антропологии (см.: [5]). Безусловно, мы не можем говорить об универсальной эмоциональной культуре в силу факта разнообразия культур, исторических обстоятельств и различных локальных особенностей. Более того, представления об эмоциях могут различаться в разных классовых

прослойках и, например, в разных профессиональных группах. Однако, выделяя эмоциональные императивы как важнейшие эмоциональные нормы, свойственные эмоциональной культуре, мы надеялись выделить общие черты представлений об эмоциях, чтобы более глубоко понять характер позднесовременного общества с точки зрения субъективного опыта людей, в нем живущих. В данном случае мы стремились задать один из ракурсов рассмотрения общества через призму чувств, однако, безусловно, необходимы дальнейшие научные изыскания, чтобы проверить обоснованность данных теоретических соображений.

Эмоциональные императивы позднесовременного общества

Наиболее интересными, с нашей точки зрения, являются нормы, которые мы решили метафорически назвать «*эмоциональными императивами*», чтобы создать особую оптику для описания современного общества. Мы выбрали эту метафору, чтобы акцентировать характерные черты современной эмоциональной культуры и создать теоретическую основу для анализа ее последующих изменений. К эмоциональным императивам относятся особые нормы-требования, безусловные предписания о том, *что и как* нужно чувствовать в определенном социально-культурном контексте (или ситуации). Они могут выступать и в роли (эмоциональных) идеалов. В эмоциональных императивах отражены желаемые, культурно доминирующие и наиболее демонстрируемые эмоции, а также правила того, что делать с эмоциями нежелательными [23]. Эмоциональные императивы способствуют культивированию или избеганию определенных чувств. Эмоциональные императивы в определенной степени *принудительны*, представляют собой своего рода «приказы» или пожелания, которые люди обращают к самим себе и другим, однако не всегда рассматриваются как бремя, воспринимаются как результат свободного выбора. Они принудительны не только потому, что являются требованиями к поведению, но и потому, что люди считают их сверхважными, а также *естественными, необходимыми, интимными* и беспокоятся, если их нет (например, позитивных чувств — счастья, любви, сочувствия и др.), или, наоборот, если они есть (например, в случае негативных чувств — стыд, тревога, несчастье и др.). В позднесовременном обществе данные эмоциональные императивы обращены к человеку как глубоко индивидуализированному существу. Они внутренне связаны между собой, образуя целостную и одновременно противоречивую культурную конфигурацию.

Одним из важнейших является *императив рационального управления эмоциями*, согласно которому люди стремятся к рациональному управлению чувствами (чтобы добиться, например, успеха и самореализации). Данный императив связан с коммодификацией управления эмоциями и соответственно представлениями о необходимости проработки (прежде всего «негативных») чувств, развитием эмоционального интеллекта, компетентности и внутреннего контроля над чувствами. Распространение представления о необходимости рацио-

нально управлять эмоциями связано с характерными чертами поздней современности, где быстрый темп изменений, фрагментированность и неопределенность мира, глобальные события и соответствующее осознание рисков, усиление страхов и тревожности, озабоченности будущим приводит к стремлению справиться с этой ситуацией посредством рационального контроля над чувствами [26; 13].

Эмоциональная культура, сложившаяся в позднесовременных обществах, оказывает воздействие на трудовую этику и практики профессиональной деятельности, сочетает коммодификацию эмоций, рациональное управление ими с целью получения выгоды, прибыли и удовольствия, о чем писали А.Р. Хохшильд и позже Э. Иллуз [27; 6]. При этом управление эмоциями затрагивает всех участников процесса продажи, иногда переходя в манипуляцию чувствами. Умение совладать со своими чувствами и, соответственно, продуктивно взаимодействовать с другими сотрудниками необходимо для успеха в карьере: уравновешенность, как и эмоциональный интеллект, стала частью так называемых «мягких умений» (soft skills), требуемых от работников на этапе найма и в процессе работы. Крупные компании и нанимаемые ими специалисты по управлению пропагандируют развитие эмоционального интеллекта и проводят соответствующее обучение своих работников разного уровня (особенно это заметно в сфере обслуживания).

Этот императив также актуален и в частной сфере — например, для установления, сохранения и изменения отношений [7]. Интересно с этой точки зрения, как в условиях цифровизации и пандемии переформируются первичные социальные связи, как постоянное общение с близкими людьми во время самоизоляции повлияет на виды эмоциональной работы в приватной сфере: будут ли члены семейных/брачных/партнерских коллективов интенсивнее управлять эмоциями [41]? Помимо широкого спектра популярной психологической литературы, каждый день в социальных медиа появляются ссылки на ресурсы, где каждый может индивидуально учиться управлять своими эмоциями. Усилилось представление о том, что, справляясь с негативными чувствами, можно преодолеть и другие трудности. Люди ищут способы справиться с тревогой, страхами, стрессом, обращаясь к специалистам и соответствующей литературе, а также научно-популярной терапевтической литературе и интернет-ресурсам, участвуя в так называемой «культуре селфхелпа» (self-help culture) [28; 2]. Так проявляется «воздействие» эмоциональной культуры: усиливается представление, что с тревогой необходимо во что бы то ни стало «справляться» (хотя у тревоги есть свои социальные и психологические функции).

С данным императивом связан императив *«подлинных чувств»*. В процессе коммерциализированного управления чувствами рождается представление о существовании и ценности собственных или «подлинных» чувств («необходимо быть самим собой», «важно быть искренним»), которые нужно оберегать и следовать им. Здесь проявляется одно

из основных противоречий эмоциональной культуры — необходимость эффективно управлять эмоциями сочетается со стремлением «быть самим собой», выражать свои подлинные чувства, свое аутентичное Я [36]. «Эмоциональная холодность» [27] рационального контроля над эмоциями сегодня сочетается со страстностью по отношению к себе, своему личному пространству, со стремлением переживать «аутентичные» чувства. Индивиды в современном мире сконцентрированы, как полагает Дж. Барбалет, на так называемых *эго-эмоциях*, то есть эмоциях, направленных на себя, на собственное благополучие, удовлетворение, самовыражение и самооценку [10, с. 6–9]. Рациональный индивидуальный контроль над эмоциями служит для поддержания больших коллективов людей (корпораций), в которых каждый индивидуализирован и сосредоточен на собственном мире переживаний, на индивидуальных стремлениях и чувствах. Сочетание эмоциональной нейтральности или холодности и одновременно сильной тревожности, поиска аутентичных чувств можно считать одним из парадоксов современной эмоциональной культуры [см.: 29; 36].

Важнейшим эмоциональным императивом является максима «*быть счастливым*» («делать то, что делает меня счастливым») — *императив стремления к счастью*. Этот императив касается настоящего запроса на индивидуальное счастье и ориентирован на потребление материальных и символических объектов, «гарантирующих» это счастье [см.: 9; 20; 34]. Цель индивидуальной жизни — быть счастливым, бесконечно стремиться к подлинному счастью [11]. Этому посвящена обширная литература в социологии и смежных областях, где стремление к личному счастью рассматривается как исторический феномен, как часть общества потребления, как навязываемый идеал и как «успешная» индустрия, особо отметим здесь критические работы С. Ахмед, Э. Иллуз и Э. Кабанаса [9; 20]. Целые области современной индустрии «обслуживают» стремление быть счастливым — проводятся тренинги, читаются лекционные курсы², выпускаются книги о способах достижения успеха и счастья и товары, потребляя которые человек должен ощутить счастье. Сформировались различные дисциплинарные области, которые занимаются счастьем, где вычисляются индикаторы счастливой жизни.

---

² Показательно, что в 2018 г. в Йельском университете Л. Сантос представила новый онлайн-курс «Психология и хорошая жизнь», посвященный счастью, который стал самым популярным курсом за более чем 300-летнюю историю университета: «Курс включает в себя видеолекции, дополнительную литературу и практические упражнения, которые нужно выполнять каждый день, чтобы сформировать более счастливые привычки» (см.: Йельский университет сделал бесплатным свой самый популярный онлайн-курс. Его тема — как стать счастливее // Inc. 06.10.2020 [электронный ресурс]. Дата обращения 12.12.2020. URL: <https://incrussia.ru/news/jels-kak-stat-schastlivee/>).

Безусловно, стремление к счастью можно наблюдать во все времена, мы только хотели подчеркнуть, что современный вариант счастья — это счастье глубоко индивидуализированное, достигаемое рационализированными способами, коммерциализированное по смыслу и не связанное с коллективным, общим благом. Во многом в мире морального индивидуализма ослабевает верование, что страдание неизбежно или является неотъемлемой частью жизни³. Современные корпорации также формируют свою культуру (или корпоративную идеологию), основываясь на представлении о том, что работник должен быть счастливым, что работа должна приносить счастье, и это также становится основой для оценки эффективности и перспективности работника⁴.

С этим императивом связан императив «романтической любви», которую «обязательно должен человек встретить хотя бы раз в жизни», основанный на уверенности, что эти чувства должны быть в жизни человека и ведут к счастью. Многие социологи посвятили свои работы этому виду любви в современном мире (см., например: [2; 12; 29]). В настоящий момент часто утверждается, что идеал романтической любви ослабевает, люди отказываются вкладываться в любовные отношения, рационализируют поиск подходящего партнера, который может и не быть предметом «той самой единственной любви» [2]. Так, партнеров ищут с помощью дейтинговых приложений, нормализованы частая смена партнеров и постоянные поиски более подходящих и пр. Однако тем самым, с нашей точки зрения, идеал «романтической любви» как наивысшей точки счастья самого человека не исчезает, а только становится все более акцентированным, недостижимым, что заставляет

---

³ Интересно было узнать от иностранных студентов (которые учились у автора статьи в НИУ ВШЭ), что они рассматривают эмоциональную культуру России как «культуру страдания», опираясь на во многом стереотипные представления. Согласно Ю. Лернер, существует оппозиция «эмоциональному капитализму» — так называемый «эмоциональный социализм», «эмоциональный режим судьбы», который, наоборот, акцентирует страдания, оправдывает и превозносит самопожертвование, исключает возможность индивидуального счастья в отрыве от общего блага (см.: [31]). Однако общение с современными российскими студентами, которые, конечно, представляют только часть современной молодежи, показывает, что времена, когда страдание и самопожертвование во имя общего блага или любимого человека были высокими добродетелями, прошли, молодые люди совсем не готовы вкладываться в отношения, страдать и «бросаться» в любовь. В этом ключе интересно было бы выделить эмоциональные нормы в современной России.

⁴ См., например: Агрохолдинг «Мироновский хлебопродукт» мониторинг эмоции сотрудников — ищут несчастных людей // Пропозиция — Главный журнал по вопросам агробизнеса. 15.11.2018. [электронный ресурс]. Дата обращения 24.09.2020. URL: <https://propozitsiya.com/agroholding-mironovskiy-hleboprodukt-monitorit-emocii-sotrudnikov-ishchut-neschastnyh-lyudey>

потенциальных влюбленных все более тревожиться, искать способы его достижения и способы преодолеть эту тревогу с помощью разных видов недолговечных отношений и потребительских удовольствий [29]. Кроме того, субъект любви, то есть сам любящий, как справедливо отмечает П. Аронсон, становится в центр внимания, вытесняя любимого, он погружен в свои чувства, считает их важнее чувств любимого, то есть занят собой и своими эмоциями (см. выше об эго-эмоциях) [2, с. 27].

Императив избегания «негативных чувств» (например, стыда, горя) ориентирован на уход от всего, что вызывает негативные или болезненные чувства, нацелен на их минимизацию и завершение периодов их переживания (см., напр., [15]). Стремление к позитивным эмоциям и избегание негативных, безусловно, не уникально для современного мира, таковым является рациональный способ справляться с ними через обращение к психологии, тренингам, развитию эмоционального интеллекта и эмоциональной компетентности, постоянная борьба с различными видами стресса, депрессивностью, одиночеством, горем [10]. В этой связи в пример можно привести работы о «непризнанном стыде» Т. Шеффа [39; 40], о «закрытии горя» Н. Бернс [15] и др., которые базируются на классических социологических аргументах об идеологии морального индивидуализма современного общества, согласно которым вытесняется проявление некоторых негативных чувств, они строго регламентируются по длительности, интенсивности, месту. В результате индивиды стремятся снизить болезненность этих переживаний, скрывая и не признавая их. «Но кто может позволить себе быть грустным и растерянным в мире непрерывной конкуренции, требующей от нас регулярно фиксировать свой личностный рост», — пишет П. Аронсон в своей научно-популярной книге о любви в позднесовременном обществе [2, с. 52]. Все это становится частью внутреннего самоконтроля и проявляется в (само)осуждении за «плохие» эмоции, например, ожидается, что даже в общении со смертельно больным человеком нужно быть «позитивным»⁵.

Стыд, даже в своих легких формах, бывает болезненным, указывающим на провал, неуспех, обостряя в сознании не соответствующий идеалу образ собственного Я. Это чувство вездесуще, однако современная культура успеха, счастья и позитивных чувств делает его нежелательным, поэтому обычно его скрывают, не говорят о нем, подавляют и/или избегают, отчего само чувство не исчезает и вследствие этого приносит не меньшую боль и дискомфорт [39]. Этот культурный образец фиксируется и в области психотерапии, и в области популярной психологии, и в области лингвистики. Социологи также обратили внимание на то, что стыд и практики

---

⁵ См., например: «Горевание напоминает часть современного коучинга». Социальный антрополог Сергей Мохов — о том, как современные люди умирают, скорбят и возвращаются к жизни // Meduza. 2020 [электронный ресурс]. Дата обращения: 22.09.2020. URL: <https://meduza.io/feature/2020/08/26/gorevanie-napominaet-chast-sovremennogo-kouchinga>

пристыживания относятся во многом к представителям бедных прослоек населения, которым следует стыдиться своего положения [39].

Другой пример касается такого эмоционального опыта, как горе, которое регламентируется с точки зрения рационального управления эмоциями. В США в последнее время появилось название особого вида эмоционального переживания — «закрытие», или «завершение» (closure), представляющего собой проявление эмоциональной нормы-требования «завершить» процесс горевания (например, в случае смерти близкого человека) насколько возможно быстро и опять «встать в строй», преодолеть себя, «управлять горем». Н. Бернс, анализируя это представление, считает его проблематичным, поскольку оно дает людям, переживающим горе, во многом бесплодную надежду на то, что боль когда-нибудь пройдет и появится возможность вернуться к нормальной жизни, хотя психологически это не всегда возможно [15]. Таким образом, суть этого представления в избегании негативных чувств, необходимости работать с ними, не проявлять их и в конце концов стремиться к счастью. Специалисты отмечают, что люди современного мира могут часто сделать из приватного горя публичное событие, заработать популярность и деньги, манифестируя способы преодоления горя, часто связанные с модными практиками потребления⁶. Иными словами, печаль, психологическая боль, плохое настроение, усталость и многое другое, согласно культурным представлениям современного общества, не являются желательными. В некоторых случаях терапевты склонны ставить диагноз «выгорание» [8; 30]. Люди стараются не «обременять» других своими «неприятными» чувствами, считая их только своей проблемой. Управление чувствами также передается цифровым помощникам, предлагающим способы самостоятельно справиться с болью, стрессом и страданием, например, из-за разрыва отношений или в случае смерти близкого человека (см.: [2]).

Императив «индивидуальной вины» предписывает, чтобы каждый чувствовал индивидуальную вину за все, что происходит «не так» в его жизни. Это пример так называемых «эго-эмоций», которые являются частью социального контроля в современных коллективах [10]. «Особый эмоциональный режим капитализма» строится на представлениях, что прежде всего сам индивид ответственен за свои неудачи, что свои проблемы он может решить самостоятельно, а если нет, то это его вина, когда социальные проблемы воспринимаются в основном психологически, то есть как личная неадекватность через чувство вины, тревоги, как отражение внутренних травм и неврозов [14; 18]. Например, современным

---

⁶ «Горевание напоминает часть современного коучинга». Социальный антрополог Сергей Мохов — о том, как современные люди умирают, скорбят и возвращаются к жизни // Meduza. 2020 [электронный ресурс]. Дата обращения: 22.09.2020. URL: <https://meduza.io/feature/2020/08/26/gorevanie-napominaet-chast-sovremennogo-kouchinga>

корпорациям с неолиберальным стилем управления индивидуальное чувство вины выгодно, поскольку таким образом культивируется представление, что сотрудники сами виноваты в своих неудачах, и выступает довольно эффективным средством контроля. Режим индивидуальной вины содержится и в обыденных суждениях, например, о бедных, чье положение рассматривается зачастую как их индивидуальная вина — неспособность, бесталанность, отсутствие «предпринимательской жилки», нежелание учиться и работать и пр. [39].

Императив обиды/обиженности принадлежит к тем эмоциональным нормам, которые неочевидны и частично являются «невидимыми». Императив обиды предполагает, что мы становимся более чувствительными к окружению, более уязвимыми психологически, поэтому находим справедливым обижаться, если оценка и реакция со стороны других не соответствуют нашему представлению о себе. В современных обществах на первый план выходит тема защиты личного пространства, душевного комфорта, люди видят опасность в незащищенности своего внутреннего мира. Отсюда обыденное понятие «токсичный» и «токсичность» — «токсичные» люди, «токсичные» отношения, «токсичные» эмоции и проч., который относится не только к видимым проявлениям насилия и причинения вреда, но и ко *всем* людям и отношениям, которые не соответствуют желаемым, не соответствуют идеальному, позитивному образу (где нет места негативным переживаниям). Обида удобна в своей иррациональности — обидеться можно на что угодно, главным здесь являются индивидуальные чувства, главное то, что чувствует обижающийся. Этот императив и образец реагирования может институционализироваться. Оскорбить или обидеть можно «чувства» какой-либо группы. Во многих политических публикациях риторически акцентируется унижение, передается восприятие события в терминах унижения (см.: [4]).

Обида основана на моральном негодовании или гневе, обращенном на другого или других. В современных обществах сформировалось чувство (социальной) несправедливости вместе с борьбой за индивидуальные права и общей либерализацией. В поздней современности люди обижаются от имени определенной группы, меньшинства, а на уровне персональной жизни — чувствуя себя уязвимыми по разным поводам, необязательно имеющим основания. «Обида — возможность испытывать праведное негодование — позволяет повисить самооценку, поставить себя в позицию человека, выносящего вердикты и оценки»⁷. Быть обиженным становится важно, это приносит определенные выгоды. «В процессе проявления обиды мы конструируем собственную идентичность. Поэтому настойчиво ищем случая быть оскорбленными».

---

⁷ Аронсон П., Земенков В. «Мы настойчиво ищем случая быть оскорбленными». Интервью с Андреем Зориным // Colta. 2019 [электронный ресурс]. Дата обращения: 24.09.2020. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/21234-my-nastoychivo-ischem-sluchaya-byt-oskorblennymi>

ми»⁸. Это можно понимать как особую эмоциональную уязвимость, которая нуждается в терапевтической культуре, поддерживает и воспроизводит последнюю [25; 26; 31].

Еще одним эмоциональным императивом, связанным с предыдущими (особенно с императивом подлинных чувств), но также неочевидным, является *императив волнения или взволнованности*. Он отражает желательность особого переживания трепета, радостного волнения, риска, что особенно ценится современными людьми и рассматривается как свидетельство «полной (и подлинной) жизни». Этот императив проявляется в настоящем и очень часто рационализированном поиске волнующих событий и переживаний, незабываемых воспоминаний, подлинных чувств, тем самым отражая и поддерживая ценности общества потребления [32]. Волнения ищут, например, в экстремальных видах спорта, приключениях, путешествиях, сексуальной сфере. Волнение успешно продает индустрия развлечений. Многие люди считают необходимым выразить, продемонстрировать волнение или взволнованность в публичных взаимодействиях.

На примере этого эмоционального переживания становится видимой противоречивость современной эмоциональной культуры: мы наблюдаем, с одной стороны, стремление рационально контролировать свои эмоции, то есть снижать их интенсивность и минимизировать выражение, а с другой — стремление к подлинным переживаниям и волнующим чувствам, которые приносят удовольствие. Волнение связано с добровольным рискованным поведением. Это заметно во время спортивных событий и мероприятий, где люди выступают в разных ролях, но переживают индивидуальные и коллективные формы волнения, в которых проявляются и надежда на успех, и страх провала, что, в свою очередь, усиливает эти переживания. Подобное можно сказать и о сфере туризма. Индивидуальная жизнь без волнения не воспринимается больше как «полная» и «счастливая». Как мы уже отмечали, императивы внутренне связаны между собой, и если учитывать значение взволнованности, стремление рационально управлять эмоциями, индивидуальную вину, самоосуждение за неудачи, то можно предположить, что в неолиберальных условиях работники, стараясь соответствовать требованиям компании или работодателя, могут испытывать смешанные чувства — сочетание «страха и воодушевления» (читай: волнения)⁹, чтобы сохранять вовлеченность, желание работать

---

⁸ Аронсон П., Земенков В. «Мы настойчиво ищем случая быть оскорбленными». Интервью с Андреем Зориным // Colta. 2019 [электронный ресурс]. Дата обращения: 24.09.2020. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/21234-my-nastoychivo-ischem-sluchaya-byt-oskorblennymi>

⁹ Савельева Н. «Академическая потогонка» вместо перспективных исследований // openDemocracy. 2020. Дата обращения: 24.09.2020 [электронный ресурс]. URL: <https://www.opendemocracy.net/ru/akademicheskaya-potogonka-vmesto-perspektivnykh-issledovaniy/>

в компании и демонстрировать энтузиазм начальству, коллегам и клиентам, а также сохранять позицию подчинения, согласия с правилами, задаваемыми компанией или работодателем [10; 18].

Императив ностальгии, или тоски по прошлому, будущему и настоящему, которое постоянно «меняется», «ускользает», возникает вследствие высокого темпа социальных изменений, общей неопределенности и рисков. Этот императив проявляется в поиске воспоминаний и представлений, которые обеспечивают определенность, стабильность, защищенность, уверенность [13]. Рационализация как социальный процесс обусловила и *ностальгию по живым эмоциям и чувствам* [26]. Примечательно, что З. Бауман писал о «глобальной эпидемии ностальгии» в позднесовременных обществах [13, с. 18]. Вероятно, что это чувство будет усиливаться в период пандемии и в поствирусную эпоху, поскольку будущее в восприятии людей становится все более рискованным и неопределенным. Ностальгия может ощущаться не только по давно прошедшим временам, но и по самым «свежим» событиям. Людям из определенных социальных прослоек, например, будет тяжело прощаться с частыми путешествиями, тем более что туризм давал возможность полной жизни, радостное волнение, связанное с индивидуальным счастьем.

С точки зрения С. Бойм, эпидемия ностальгии в современном мире связана с парадоксальным сокращением пространства опыта вследствие глобализации и дигитализации: чем меньше горизонт ожиданий связан с опытом, тем больше желание установить или вообразить подобную связь [3]. Ностальгия связана с различными стратегиями и практиками возрождения «незаслуженно» забытого прошлого, поэтому исследования памяти и культурной травмы напрямую связаны с чувством ностальгии (см., например: [1]). Ностальгия в контексте крайней неопределенности будущего служит своего рода адаптивной реакцией, обуславливая ностальгические экосистемы (чувства, практики, вещи, институты) и ностальгическое потребление, что очевидно прежде всего в современной музейной (музеи сегодня часто называют «пространствами аффекта») и мемориальной деятельности (установка, снос памятников, мемориалов). Э. Досс отмечает своеобразную «мемориаломанию» [21], в которой отражаются ностальгия и усиленная работа по переработке прошлого, однако не всегда приводящая к действительным изменениям социальных условий.

Императив сочувствия связан с предыдущими: для того чтобы добиться успеха и счастья, необходимо выражать определенное количество симпатии, сочувствия и лояльности в разного рода отношениях и прежде всего в отношениях субординации [10]. С ним связан и *императив сострадания*. Способность сочувствовать «превращается в мерило того, насколько я вообще являюсь человеком» [4, с. 46]. Это особая чувствительность к состраданию, норма, согласно которой

отслеживается, насколько сострадательны люди в той или иной ситуации, и применяются санкции, дается моральная оценка поведению. Либерализация в капиталистических обществах сопровождалась ростом сострадания к уязвимым людям и группам, поэтому сегодня распространена культурная установка, что люди должны сострадать, что это неотъемлемое качество людей (см. об этом: [45]). В некоторых сферах это чувство активно культивируется, например, в профессиональной среде здравоохранения сострадание рассматривается как часть эмоциональной работы, которая способствует лечению и восстановлению больных. Можно также отметить формирование «культурной политики сочувствия» [16; 45], реализующееся в конкретных политических мерах, социальной политике.

Однако сочувствие и сострадание не спонтанны, они направляются социально-структурными условиями современного общества, определяющими правила получения и выражения сочувствия, где сочувствие может использоваться для достижения собственных целей, статуса или власти над другими [19, с. 113]. Сочувствие и сострадание рассматриваются как важные условия проявления заботы, солидарности, взаимопомощи и альтруизма [44; 45], однако в этом поле наблюдаются различные противоречия, «борьба» различных игроков за свои частные интересы, коммерциализация чувств ведет к неравномерному и часто несправедливому проявлению и выражению сочувствия. В частной жизни это заметно, когда сочувствие и последующие действия направлены на отдаленных людей и группы, а не на ближних, которые, возможно, больше в нем нуждаются. Иными словами, выражение сочувствия подчиняется культурной цели контроля над эмоциями, а также (капиталистической) логике социального обмена.

Безусловно, данный список можно было бы продолжить, каждый императив можно было бы полнее раскрыть на примере современных обыденных представлений и даже на примере некоторых направлений в науке [20]. Стоит еще раз заметить, что здесь имеется в виду не весь мир чувств человека, а то, что он считает достойным, стоящим того, чтобы к этому стремиться, важным и ценным в современных реалиях. Также стоит подчеркнуть, что мы старались изложить в данном случае особый подход к пониманию современного общества через его эмоциональную культуру, в котором все стали словно бы «одержимыми эмоциями» [38].

**Эмоциональные императивы и их возможные социальные последствия:
вместо заключения**

Подводя итог, можно утверждать, что *в современной эмоциональной культуре акцентируются позитивные чувства, их подлинность и спонтанность, и одновременно рациональные средства их выражения, переживания и достижения.* В позднесовременных обществах представление о собственном Я субъективно определяется через эмоции, которые испытывает индивид, при этом самореализация достигается

за счет управления собственным имиджем или самооценкой [10]. Наблюдается культивирование эмоций, которые направлены на индивидуальные переживания, а не на коллективный опыт. В контексте неолиберальных принципов управления кажется парадоксальным сочетание такой индивидуализации и новых форм солидарности в виде крупных организаций [10], лояльность к которым поддерживается в том числе за счет определенных индивидуально-типических чувств. Современные крупные корпорации уже на практике реализуют соответствующую политику эмоций, которая приводит зачастую к проблеме манипуляции чувствами и еще большему разрыву между выражаемыми и переживаемыми чувствами работников¹⁰. На данный момент существует много исследований, в фокусе которых находится «(само)отчуждение» в процессе эмоционального труда (см.: [18]).

Эмоциональные императивы отражают и глубокую противоречивость эмоциональной культуры, которую мы отчасти отмечали выше. Определяющим в понимании противоречий является рациональный контроль над эмоциями вместе со стремлением к подлинным и позитивным чувствам. Парадоксальное сочетание рационализации и эмоционализированности социальной жизни выражается в навязчивом поиске инструментов совладания с негативными переживаниями и создает прочную основу для психотерапевтической культуры и культуры самопомощи. Постоянное стремление к позитивным эмоциям фактически оборачивается хроническим плохим настроением, выгоранием, депрессивностью и подавленностью в публичной и частной жизни, что уже тоже рассматривается как одно из измерений культуры [30]. Отсюда множественные разрывы социальных связей, большинство из которых люди начинают считать «нервозатратными» и «токсичными»; множественные конфликтные отношения, которые возникают в случае постоянных обид, усталость от чувств (например, сочувствия), которые связывают людей с другими [22]; одиночество — из-за высоких требований к жизни и к людям, постоянные поиски идеальных, «безоблачных» отношений, бесконечное стремление к индивидуальному счастью и успеху и соответствующее чувство безнадежности; навязчивое обращение к прошлому, ностальгия. В данном контексте возможно и возникновение различных видов социальной солидарности, образование разных сообществ как убежищ от неудачи, несчастья, отсутствия любви и др., которые, с одной стороны, примиряют человека со сложившимися обстоятельствами, но, с другой стороны, могут быть потенциально опасными и для него, и для общества в целом (см.: [33; 10]). Здесь также стоит вспомнить «поворот к уто-

---

¹⁰ См., например: Агрохолдинг МХП с целью повышения продуктивности труда ввел мониторинг эмоций сотрудников // ArgoPortal. 2018. [электронный ресурс]. Дата обращения: 24.09.2020. URL: <https://agroportal.ua/news/novosti-kompanii/mkhp-budet-monitorit-emotsii-sotrudnikov/>

пии» — различные виды ухода в фантазийные миры для преодоления тревоги о будущем [13].

В этом контексте усиливается внимание к эмпатии, сочувствию и состраданию как «микросоциальным» силам социальной солидарности [12; 27]. Но эти важнейшие чувства также подчиняются моральной экономии капитализма. Усиливается роль безличной и отдаленной передачи сочувствия через интернет-помощников и выражения сочувствия онлайн (см., например: [17]). В цифровом пространстве множатся и конкурируют различные группы и арены, где задается повестка о том, кто более заслуживает сочувствия и как нужно его переживать и выражать [16]. Некоторые специалисты утверждают, что в современном мире сложились социально-культурные условия, которые разрушают человеческую доброту и предрасположенность к заботе, усиливая моральную нечувствительность к страданиям других, например «усталость от сострадания» [45; 22]. Человеческие страдания, согласно Л. Болтански, становятся частью информационно-развлекательной среды [16]. Это, безусловно, не значит, что сострадание и сочувствие исчезают вовсе, но находятся под влиянием современной эмоциональной культуры.

В заключение подчеркнем, что к представленной исследовательской оптике остается много вопросов, на которые предстоит ответить. Первая группа вопросов касается внутренней связи между данными императивами, насколько они соподчинены и/или противоречат друг другу. Вторая группа вопросов связана с тем, насколько тенденция акцентирования описанных эмоциональных норм распространена в других культурах (в отличие от западной), которые имеют иные историческую судьбу, особенности хозяйственного уклада и др. В связи с этим нам представляется важным изучить эмоциональную культуру в современной России, где уже существуют интересные работы, и специалисты все больше задумываются над доминирующими представлениями об эмоциях (см., например: [1; 2; 31]). Третья группа вопросов касается важнейшей для социологии проблемы: каким образом данные эмоциональные императивы связаны с классовой принадлежностью (и иной групповой принадлежностью) их носителей и кем являются конкретные «агенты» и «промоутеры» данных императивов. Вместе с тем эмоциональные императивы могут служить индикаторами социальных изменений: например, наблюдая за изменением нормативных представлений об эмоциях в эпоху пандемии, цифровизации, развития искусственного (эмоционального) интеллекта, можно будет более глубоко понять смысл социальных изменений для людей, их переживающих, и др. В этот круг вопросов можно включить и рассмотрение сквозь призму эмоциональных норм состояния социальных связей, их ослабления и новых форм солидарности [10; 18]; проблемы социальной инклюзии и эксклюзии, манипуляции чувствами, изучение темы человеческих страданий [44] и многое другое.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамов Р.Н.* Музеефикация советского. Историческая травма или ностальгия // Человек. 2013. № 5. С. 99–111.
2. *Аронсон П.Я.* Любовь: сделай сам. Как мы стали менеджерами своих чувств. М.: Индивидуум, 2021. — 192 с.
3. *Бойм С.* Будущее ностальгии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. — 680 с.
4. *Глушкова И.П.* В поисках эмоций под небом Южной Азии, или Приглашение к «аффективному дискурсу». Часть V. Глобальный контекст: тезис — антитезис — синтез, и вновь по кругу // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 1. С. 198–210. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-198-210.
5. *Плампер Я.* История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение. 2018. — 568 с.
6. *Хокшилд А.Р.* Управляемое сердце: коммерциализация чувств / Пер. с англ. И. Кушнаревой; Под науч. ред. В. Данилова. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. — 392 с. DOI:10.22394/1682-2358-2019-1-133-138
7. *Хокшилд А.* Вторая смена. Работающие семьи и революция в доме / А. Хокшилд, при участии Э. Мачун; Пер. с англ. И. Кушнаревой; Под науч. ред. А. Космарского; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 368 с. DOI: 10.17323/978-5-7598-2102-1
8. *Юханнисон К.* История меланхолии. О страхе, скуке и чувствительности в прежние времена и теперь / Пер. со швед. И. Матышиной. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 320 с.
9. *Ahmed S.* The Promise of Happiness. Durham: Duke University Press, 2010. — 315 p.
10. *Barbalet J.* ‘Honey, I Shrunk the Emotions’: Late Modernity and the End of Emotions // Emotions and Society. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 133–146. DOI: 10.1332/263168919X15662881966944
11. *Bauman Z.* Postmodern Ethics. Cambridge: Blackwell, 1993. — 225 p.
12. *Bauman Z., Donskis L.* Moral Blindness — The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity. Cambridge: Polity, 2013. — 218 p.
13. *Bauman Z.* Retrotopia. Cambridge: Polity, 2017. — 180 p.
14. *Beck U., Beck-Gernsheim E.* Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences. London: Sage, 2002. — 221 p. DOI: 10.4135/9781446218693.n14
15. *Berns N.* Closure: The Rush to End Grief and What It Costs Us. Philadelphia: Temple University Press, 2011. — 213 p.
16. *Boltanski L.* Distant Suffering, Morality, Media and Politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. — 246 p.
17. *Brownlie J., Shaw F.* Empathy Rituals: Small Conversations about Emotional Distress on Twitter // Sociology. 2019. Vol. 53. No. 1. P. 104–122. DOI: 10.1177/0038038518767075

18. *Burkitt I.* Alienation and emotion: social relations and estrangement in contemporary capitalism // *Emotions and Society*. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 51–66. DOI: 10.1332/263168919X15580836411841
19. *Clark C.* *Misery and Company: Sympathy in Everyday Life*. Chicago: University of Chicago press, 1997. — 316 p.
20. *Cabanas E., Illouz E.* *Manufacturing Happy Citizens: How the Science and Industry of Happiness Control our Lives*. Cambridge, UK Medford, MA: Polity Press, 2019. — 260 p.
21. *Doss E.* *Memorial Mania. Public Feeling in America*. Chicago: University of Chicago press, 2010. — xvii, 458 p.
22. *Figley Ch.* (ed.) *Treating Compassion Fatigue*. New York: Routledge, 2002. — 227 p.
23. *Frevert U.* *Emotions in History? Lost and Found*. Budapest: Budapest Central European University Press, 2011. — 270 p.
24. *Furedi F.* *Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation*. London: Cassell, 1997. — 184 p.
25. *Furedi F.* *Therapy Culture. Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age*. London: Routledge, 2004. — 245 p.
26. *Gonzalez A.M.* In Search of a Sociological Explanation for the Emotional Turn // *Sociologia, Problemas e Práticas*. 2017. No. 85. P. 27–45. DOI:10.7458/SPP2017857606
27. *Illouz E.* *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2007. — 134 p.
28. *Illouz E.* *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley: University of California Press, 2008. — 304 p. DOI: 10.1525/9780520941311
29. *Illouz E.* *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press, 2012. — 293 p.
30. *Han B.* *The burnout society*. Stanford, California: Stanford University Press, 2015. — 60 p.
31. *Lerner J.* The Changing Meanings of Russian Love: Emotional Socialism and Therapeutic Culture on the Post-Soviet Screen // *Sexuality&Culture* (special issue on “Post-Soviet Intimacies”). 2015. Vol. 19. No. 2. P. 354–355. DOI: 10.1007/s12119-014-9261-2
32. *Lyng S.* Excitement: Risk and Authentic Emotion // *Emotions, Everyday Life and Sociology* / Ed by M.H. Jacobsen. L.: Routledge, 2018. P. 88–103. DOI: 10.4324/9781315207728-7
33. *Maffesoli M.* *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*. London: Sage, 1996. — 176 p.
34. *McKenzie J.* *Deconstructing Happiness: Critical Sociology and the Good Life*. London: Routledge, 2016. — 158 p.
35. *Patulny R., Bellocchi A., Khorana S., Olso R., McKenzie J., Peterie M.* (eds.) *Emotions in Late Modernity*. London: Routledge, 2019. — 341 p. DOI: 10.4324/9781351133319
36. *Reckwitz A., Pakis V.A.* *The Society of Singularities — On the Transformation of Modernity*. Cambridge, UK: Polity Press, 2020. — 400 p.

37. *Reiff Ph.* The Triumph of the Therapeutic: Uses of Faith after Freud. New York: Harper&Row, 1987. — 274 p.
38. *Rosenwein B.H., Christiani R.* What is the History of Emotions? Cambridge: Polity, 2018. — 163 p.
39. *Scheff T.J.* Working class emotions and relationships: Secondary analysis of Sennett, Cobb and Willis // *Toward a Sociological Imagination: Bridging Specialized Fields* / Ed. by B. Phillips, H. Kincaid, T.J. Scheff. Lanham: Univ. Press of America, 2002. P. 263–292. DOI: 10.2307/1556612
40. *Scheff Th.* The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity // *Cultural Sociology*. 2014. Vol. 8. No. 2. P. 129–141. DOI: 10.1177/1749975513507244
41. *Simonova O.* Emotional Culture as Sociological Concept: On Emotional turn in Understanding of Modern Society // *Culture e Studi del Sociale*. 2019. Vol. 4. No. 2. P. 147–160.
42. *Stearns P.N., Stearns C.Z.* Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards // *American Historical Review*. 1985. Vol. 90. No. 4. P. 813–836. DOI: 10.2307/1858841
43. *Thoits P.* Emotion Norms, Emotion Work and Social Order // *Feelings and Emotions: The Amsterdam Symposium* / Ed. by A.S.R. Manstead, N. Frijda, A. Fischer. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 359–378. DOI:10.1017/cbo9780511806582.021
44. *Wilkinson I.* Suffering. A Sociological Introduction. Cambridge: Polity Press, 2005. — 190 p.
45. *Wilkinson I.* Compassion: Conflicted social feeling and the calling to care // *Emotions, Everyday Life and Sociology* / Ed. by M.H. Jacobsen. London: Routledge, 2018. P. 56–70.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Симонова Ольга Александровна — кандидат социологических наук, доцент, кафедра общей социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (495) 772-95-90 доб. 12471. **Электронная почта:** osimonova@hse.ru

Дата поступления: 25.09.2020.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2021.
VOL. 27. NO. 2. P. 25–45. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8084

OLGA A. SIMONOVA¹

¹National Research University Higher School of Economics.
20, Myasnitskaya str., 101000, Moscow, Russian Federation.

EMOTIONAL IMPERATIVES OF LATE MODERN SOCIETY AND THEIR POSSIBLE SOCIAL CONSEQUENCES

Abstract. The purpose of this article is to examine the main “imperatives” of contemporary emotional culture, which may provide special research optics for a deeper understanding

of late modern society. The author begins with a definition of emotional culture — based on the body of works in sociology of emotions — and identifies dominant emotional norms and their corresponding perceptions, which bear the nature of imperatives in people’s everyday experience and serve as an extension of social values. These emotional imperatives include rational control over emotions, a compulsive desire to be and look happy, avoiding negative feelings, individual guilt from any sort of failure in social life, grievance that takes the form of righteous indignation, and others. These “imperatives” are in some respect contradictory, reflecting different aspects of life, but generally subject to the logic of late modern society, and can have important implicit social consequences such as broken social ties, “chronic” feelings of depression and frustration, fatigue, bad moods, increased anxiety and fears and many other implicit consequences, such as the emergence of new forms of solidarity. As a result of global events and the resulting social crises, these imperatives may change, thereby allowing us to trace how people’s lived experiences are changing. The list of emotional imperatives is not by any means full, and the same goes for their description, but through the outlined emotional imperatives the author attempts to describe theoretically contemporary cultural configurations of lived experience through leading emotional norms.

Keywords: sociology of emotions; late-modern society; emotional culture; emotional imperatives.

For citation: Simonova, O.A. Emotional Imperatives of Late Modern Society and their Possible Social Consequences. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2021. Vol. 27. No. 2. P. 25–45. DOI: 10.19181/socjour.2021.27.2.8084

The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at the HSE University in 2020–2021 (grant No. 21-04-007 “Moral emotions and social inequality: regulations and social consequences”), Research Group “Moral emotions in social sciences”.

REFERENCES

1. Abramov R.N. Museification of the Soviet. Historical trauma or nostalgia. *Chelovek*. 2013. No. 5. P. 99–111. (In Russ.)
2. Aronson P.Ya. *Lyubov’: sdelay sam. Kak my stali menedzherami svoikh chuvstv*. [Love: DIY. How we became managers of our feelings]. Moscow: Individuum publ., 2020. 200 p. (In Russ.)
3. Boym S. *Budushchee nostalgii*. [The Future of Nostalgia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2019. 680 p. (In Russ.)
4. Glushkova I.P. In Search of Emotions under the South Asian Skies, or An Invitation to ‘Affective Discourse’. Part V. Global context. From thesis to antithesis to synthesis, and again around. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. No. 1. P. 198–210. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-1-198-210 (In Russ.)
5. Plamper J. The History of emotions. [Russ. ed.: *Istoriya emotsii*. Transl. from Eng. by K. Levinson. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2018. 568 p.]
6. Hochschild A.R. Managed Heart. Commercialization of human feeling. [Russ. ed.: *Upravlyаемое serdtshe: kommersializatsiya chuvstv*. Transl. from Eng. by I. Kushnareva; Ed. by V. Danilova. Moscow: Izdatel’skij dom “Delo” RANXiGS publ., 2019. 392 p.] DOI:10.22394/1682-2358-2019-1-133-138
7. Hochschild A. The Second Shift: Working Parents and the Revolution at Home. *Vtoraya smena*. [Russ. ed.: *Rabotayushchie sem’i i revolyutsiya v dome*. Transl. from Eng. by I. Kushnareva; Ed. by A. Kosmarskiy. Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki publ., 2020. 368 p.] DOI: 10.17323/978-5-7598-2102-1

8. Johannisson K. *Istoriya melankholii. O strakhe, skuke i chuvstvitel'nosti v prezhnje vremena i teper'*. [History of Melancholy. On Fear, Boredom, and Sensitivity in Former Times and Now.] Transl. from Swedish by I. Matytsina. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie publ., 2018. 320 p. (In Russ.)
9. Ahmed S. *The Promise of Happiness*. Durham: Duke University Press, 2010. 315 p.
10. Barbalet J. "Honey, I Shrunk the Emotions": Late Modernity and the End of Emotions. *Emotions and Society*. 2019. Vol. 1. No. 2. P. 133–146. DOI: 10.1332/263168919X15662881966944
11. Bauman Z. *Postmodern Ethics*. Cambridge: Blackwell, 1993. 255 p.
12. Bauman Z., Donskis L. *Moral Blindness — The Loss of Sensitivity in Liquid Modernity*. Cambridge: Polity, 2013. 218 p.
13. Bauman Z. *Retrotopia*. Cambridge: Polity, 2017. 180 p.
14. Beck U., Beck-Gernsheim E. *Individualization: Institutionalized Individualism and Its Social and Political Consequences*. L.: Sage, 2002. 221 p. DOI: 10.4135/9781446218693.n14
15. Berns N. *Closure: The Rush to End Grief and What It Costs Us*. Philadelphia: Temple University Press, 2011. 213 p.
16. Boltanski L. *Distant Suffering, Morality, Media and Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 246 p.
17. Brownlie J., Shaw F. Empathy Rituals: Small Conversations about Emotional Distress on Twitter. *Sociology*. 2019. Vol. 53. No. 1. P. 104–122. DOI: 10.1177/0038038518767075
18. Burkitt I. Alienation and emotion: social relations and estrangement in contemporary capitalism. *Emotions and Society*. 2019. Vol. 1. No. 1. P. 51–66. DOI: 10.1332/263168919X15580836411841
19. Cabanas E., Illouz E. *Manufacturing Happy Citizens: How the Science and Industry of Happiness Control Our Lives*. Cambridge, UK Medford, MA: Polity Press, 2019. 260 p.
20. Clark C. *Misery and Company: Sympathy in Everyday Life*. Chicago: University of Chicago press, 1997. 316 p.
21. Doss E. *Memorial Mania. Public Feeling in America*. Chicago: University of Chicago press, 2010. xvii, 458 p.
22. Frevert U. *Emotions in History? Lost and Found*. Budapest: Budapest Central European University Press, 2011. 270 p.
23. Figley Ch. (ed.) *Treating Compassion Fatigue*. N.Y.: Routledge, 2002. 227 p.
24. Furedi F. *Culture of Fear: Risk-taking and the Morality of Low Expectation*. L.: Cassell, 1997. 184 p.
25. Furedi F. *Therapy Culture. Cultivating Vulnerability in an Uncertain Age*. L.: Routledge, 2004. 245 p.
26. Gonzalez A.M. In Search of a Sociological Explanation for the Emotional Turn. *Sociologia, Problemas e Práticas*. 2017. No. 85. P. 27–45. DOI:10.7458/SPP2017857606
27. Han B. *The burnout society*. Stanford, California: Stanford University Press, 2015. 60 p.
28. Illouz E. *Cold Intimacies: The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge: Polity Press, 2007. 134 p. DOI: 10.1525/9780520941311
29. Illouz E. *Saving the Modern Soul: Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. Berkeley: University of California Press, 2008. 304 p.
30. Illouz E. *Why Love Hurts: A Sociological Explanation*. Cambridge: Polity Press, 2012. 293 p.
31. Lerner J. The Changing Meanings of Russian Love: Emotional Socialism and Therapeutic Culture on the Post-Soviet Screen. *Sexuality & Culture* (special issue on "Post-Soviet Intimacies"). 2015. Vol. 19. No. 2. P. 354–355. DOI: 10.1007/s12119-014-9261-2

32. Lyng S. Excitement: Risk and Authentic Emotion. *Emotions, Everyday Life and Sociology*. Ed by M.H. Jacobsen. L.: Routledge, 2018. P. 87–103. DOI: 10.4324/9781315207728-7
33. Maffesoli M. *The Time of the Tribes: The Decline of Individualism in Mass Society*. L.: Sage, 1996. 176 p.
34. McKenzie J. *Deconstructing Happiness: Critical Sociology and the Good Life*. L.: Routledge, 2016. 158 p.
35. Patulny R., Bellocchi A., Khorana S., Olson R., McKenzie J., Peterie M. (eds) *Emotions in Late Modernity*. L.: Routledge, 2019. 341 p. DOI: 10.4324/9781351133319
36. Reckwitz A., Pakis V.A. *The Society of Singularities — On the Transformation of Modernity*. Cambridge, UK: Polity Press, 2020. 400 p.
37. Reiff Ph. *The Triumph of the Therapeutic: Uses of Faith after Freud*. N.Y.: Harper & Row, 1987. 274 p.
38. Rosenwein B.H., Christiani R. *What is the History of Emotions?* Cambridge: Polity, 2018. 163 p.
39. Scheff T.J. Working class emotions and relationships: Secondary analysis of Sennett, Cobb and Willis. *Toward a Sociological Imagination: Bridging Specialized Fields*. Ed. by B. Phillips, H. Kincaid, T.J. Scheff. Lanham: Univ. Press of America, 2002. P. 263–292. DOI: 10.2307/1556612
40. Scheff Th. The Ubiquity of Hidden Shame in Modernity. *Cultural Sociology*. 2014. Vol. 8. No. 2. P. 129–141. DOI: 10.1177/1749975513507244
41. Simonova O. Emotional Culture as Sociological Concept: On Emotional turn in Understanding of Modern Society. *Culture e Studi del Sociale*. 2019. Vol. 4. No. 2. P. 147–160.
42. Stearns P.N., Stearns C.Z. Emotionology: Clarifying the History of Emotions and Emotional Standards. *American Historical Review*. 1985. Vol. 90. No. 4. P. 813–836. DOI: 10.2307/1858841
43. Thoits P. Emotion Norms, Emotion Work and Social Order. *Feelings and Emotions: The Amsterdam Symposium*. Ed. by A.S.R. Manstead, N. Frijda, A. Fischer. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 359–378. DOI:10.1017/cbo9780511806582.021
44. Wilkinson I. *Suffering. A Sociological Introduction*. Cambridge: Polity Press, 2005. 190 p.
45. Wilkinson I. Compassion: Conflicted social feeling and the calling to care. *Emotions, Everyday Life and Sociology*. Ed. by M.H. Jacobsen. L.: Routledge, 2018. P. 55–70.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Simonova — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, School of Sociology, NRU Higher School of Economics.

Phone: +7(495)772-95-90*12471. **Email:** osimonova@hse.ru

Received: 25.09.2020.
